СЮРПРИЗЪ
ДЛЯ ЖЕНЩИНЪ

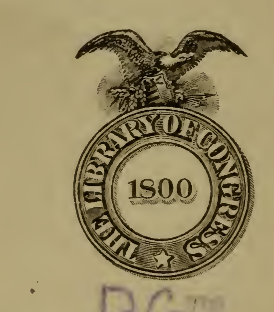
сочиненіе

АЛЕКСАНДРА БАГЕНСКАГО.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1866.

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

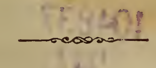

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СЮРПРИЗЪ

ДЛЯ ЖЕНЩИНЪ

сочиненіе

АЛЕКСАНДРА БАГЕНСКАГО.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Э. Треймана, б. Садовая д. № 37-14.

1866.

Дозволено Цензурою, С. Петербургъ 2 Августа 1866 года.

КЪ ЖЕНЩИНАМЪ....

«Любви ужъ нѣтъ».—Вы говорите
«Теперь Прогрессъ—Гуманный свѣтъ;
«Расчетъ дороже».—Вы твердите:
«Одинъ разсчетъ, любви ужъ нѣтъ».
—Но гдѣ же чувство даръ небесный,
Гдѣ трепетъ любящихъ сердецъ,
Гдѣ даръ Божественный, чудесный?
Любовь послалъ намъ самъ Творецъ.
Мѣняемъ чувство на богатство,
За средство къ жизни мы рабы,
Потомъ мы робщемъ на ошибки
Неся тяжелый гнетъ судьбы

О нѣтъ, свѣтъ модный современный,
Страшись афёры таковой,
Твой выйгрышъ какъ бы небылъ цѣнный,
Ты всежь подъ пыткой роковой....
И такъ, безъ чувства благородной
Любви, мы люди безъ души,
И, подражая сферѣ модной
Свои же слёзы пьемъ въ тиши.
Примите истинный разсказъ мой
За что хотите, ваша власть;
Но, вы грѣшки свои сочтите,
Тогда, ужъ дѣлайте напасть.
Я не поэтъ, и не для свѣта
Пишу стихи какъ данный даръ,
И, не для общаго привѣта.—
Пишу сокрытый чувства жаръ.

Божественный образъ родилъ бездну думъ,
Амурные формы затмили мой умъ,
Гордынею взора я былъ пораженъ,
Едва убѣдился что видѣлъ не сонъ.—
На лонѣ соблазна мой духъ трепеталъ,
Страдалъ, убивался начать что, не зналъ;
Кумиръ свой, богатство я видѣлъ лишь въ ней;
Адъ страшный, блаженство и пламя страстей.
Громилъ всѣ преграды надъ бездной стоя.—
Окончилъ всѣ войны, побѣда моя.

Не всѣмъ предѣлъ одинъ назначенъ;
Не всѣмъ путь легкій ко всѣму;
Инымъ путь яркій, инымъ мраченъ;
Не всѣ стрѣмятся къ одному.
Однѣ, велики по наслѣдству,
Иные, славны по уму.
Однѣ, идутъ обратно къ дѣтству,
Иные, съ дѣтства ни къ чему;
Однѣ, все счастье видятъ въ славѣ,
И чтутъ героевъ, какъ боговъ;
Иные преданы забавѣ,
Живутъ подъ фирмою тузовъ.
Иной, въ искуствѣ быстро мчится,
Иной, паритъ въ мечтѣ пустой;
Иной, къ любви одной стремится,
Достигнувъ славитъ жребій свой.

Я долго, долго убивался,
Грустилъ, томился и страдалъ;
Чего-то жаждалъ и боялся
Повѣрить то, что самъ скрывалъ
Я былъ влюбленнымъ съ колыбе́ли,
Въ вѣкъ юный больше все любилъ,
Кого? Не зналъ на самомъ дѣлѣ,
Но страстно, пламенно любилъ.
Въ лѣта горячаго волненья
Я видѣлъ женщинъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Достойныхь полныхъ упоенья
То для меня былъ чуждый свѣтъ.
Улыбки, шутки, разговоры
Казались ядомъ для меня,
Интриги, споры, бредни, вздоры,
Все было дико для меня,

Я былъ угрюмъ, не зналъ отрады,
Старался быть всегда одинъ,
Вездѣ, во всемъ встрѣчалъ преграды,
Путь всюду былъ непроходимъ.—
Бывалъ ли въ Храмахъ въ дни моленья,
Я все кого-то въ нихъ искалъ,
Ничѣмъ свое воображенье
Немогъ разсѣять, —я страдалъ.
Потомъ вполнѣ разубѣжденный,—
Что все мечта, что все лишь сонъ,—
И былъ безплодно утомленный:
Я все-жь любилъ, я былъ влюбленъ.
Съ воображеньемъ разкаленнымъ
Искалъ забавъ, искалъ друзей,
Въ рукахъ съ бокаломъ, полусонный
Я не нашелъ желанныхъ дней.
Я пѣлъ любовь, друзья смѣялись;
Не видѣлъ друга ни въ одномъ.
Онѣ развлечь меня старались
Ѳднемъ виномъ и все виномъ.
Въ объятьяхъ бахуса порою
Я видѣлъ сонъ, о, дивный сонъ!
Красотку съ русою косою,
То, мой кумиръ, то, вѣрно онъ....

Я видѣлъ очи голубые,
Я слышалъ голосъ, лепетъ словъ,
Я видѣлъ кудри разсыпные,
А въ нихъ блаженство и любовь.
Пройдетъ-ли сонъ, мнѣ сердце гложетъ
Голодный червь, мнѣ ноетъ грудь;
Кого-то нѣтъ, никто не можетъ
Мнѣ сократить къ блаженству путь.
Друзьямъ разсказывалъ стократно,
Что я люблю одну ее.....
Для нихъ все было непонятно,
Они твердили мнѣ: «кого»?
Мечту мою, мою отраду,
Свой идеалъ, мою любовь,
Вамъ недоступную наяду,
Чтобъ оцѣнить ее нѣтъ словъ.
Быть можетъ странно, но судите:
Во снѣ, въ бреду и въ меражѣ,
Одну я вѣчно видѣлъ дѣву,
То въ блескѣ модъ, то въ неглижѣ.
То вдругъ, волшебницей въ скульптурѣ;
То вдругъ, солидной госпожей;
Живой картинкой въ миньятюрѣ;
То колосальною грозой.

Повсюду милое явленье
Меня томило, я страдалъ;
Страданье, вмѣстѣ упоенье;
Я видѣлъ въ ней свой идеалъ...
Я видѣлъ очи голубые,
Я слышалъ голосъ, лепетъ словъ;
Я видѣлъ кудри разсыпные,
А въ нихъ блаженство и любовь.
Разсказъ мой вѣчно прерывали
Друзья, какъ лишній бредни вздоръ;
Взамѣнъ, бокалъ мнѣ предлагали
Завевъ шутливый разговоръ.
Вина, вина! Всѣ возглашали,
Не было оргіямъ конца;
Стократъ бокалы наливали
И жгли въ честь Бахуса сердца.
Друзьями вовсе раззоренный
Хватился было, но увы!
Остался ими-жъ осужденный;
Друзья всѣ въ мірѣ таковы.
Покинутъ мнимыми друзьями.
Ходилъ съ поникшей головой;
Я сталъ молиться со слезами
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой.—

Въ минуту слышаннаго клира
Гдѣ ѳеміамъ парилъ Святой,
Я удалившійся отъ міра
Забылъ минувшій рокъ свой злой.
Мгновенно робко озираясь
Я, вновь видѣнія искалъ,
Все нѣтъ—какъ нѣтъ, фортуна злая
Скрывала дивный идеалъ.
Вдругъ, слышу голосъ—упоенье,
Она поетъ, лелѣетъ слухъ,
Въ натурѣ призракъ сновиденье,
Въ натурѣ дѣвы, мнимый духъ.
Въ натурѣ очи голубые,
Въ натурѣ стройный, гибкій станъ;
Въ натурѣ кудри разсыпные,
И груди бурный океанъ.—
То, не меражъ, не бредный сонъ,
Она, та самая, она,
Въ чей образъ съ дѣтства я влюбленъ;
Мечта, богиня, демонъ сна.
Я видя, слыша разтерялся,
Хотѣлъ ступить, напрасный трудъ;
Мнѣ Храмъ весь мрачнымъ показался;
Я сталъ; какъ призванный на судъ.

Оцѣнитъ-ли кто либо въ мірѣ,
Былой восторгъ, моей души,
Все, все какъ голосъ дивной лиры,
Такъ образъ дѣвственной красы?
О нѣтъ! напрасный трудъ сравненья,
Никто постичь сего не могъ;
Такихъ восторговъ упоенья
Не знаетъ даже самый рокъ.....
И тотъ, кто выйгралъ милліоны
Богатствомъ міра завладѣлъ,
Онъ мертвымъ кладомъ восхищенный
Въ чемъ естъ всѣму, во всемъ предѣлъ.

Прошелъ моментъ оцѣпененья,
Я съ Храма выдвинутъ толпой,
Я мнилъ что это сновидѣнье,
Хоть я и былъ предъ ей самой.
Меражъ, сказалъ и удалился,
Въ знакомый домъ, и разсказалъ
Кого я видѣлъ, кто молился,
Что то и былъ мой идеалъ.—

«А въ чемъ она была одѣта»?
Спросила М. и Я. меня.
—На это я не дамъ отвѣта,
Я знаю только что она....
Она любви моей стихія,
Всемірныхъ прелестей чертогъ,
Нѣжна какъ пышная лилія,
Ее цѣнить не въ силахъ слогъ.
Имѣетъ очи голубые,
Нѣжнѣйшій голосъ, гибкій станъ,
И вьются кудри золотые,—
Но это все мечта, обманъ....
«Давно знакомыя мы съ нею»,
Прервали М. и Я., «Ей, ей»,
—Не можетъ быть. «Увѣрить смѣю».
—Меражъ, я вижусь вѣчно съ ней....
«Ну если такъ я васъ увѣрю»;
Сказала М. прищуривъ глазъ
«Тогда вѣрнѣй на самомъ дѣлѣ
«Вы убедитеся въ тотъ часъ»....

Не все-жъ томиться безконечно,
Не все-же въ мірѣ нашемъ вѣчно;
Однѣ вино съ друзьями пьютъ,
Иные сгнили, иль гніютъ.
Предѣлъ всему назначенъ рокомъ,
Вездѣ границы есть во всемъ,
На все различнымъ смотримъ окомъ,
И, называемъ прошлость сномъ.
Творецъ всемірный нашъ Блюститель,
За нами вслѣдъ повсюду Онъ,
Готовитъ мирную Обитель;
А жизнь пройдетъ, какъ малый сонъ.
Но жизнь увѣнчана желаньемъ
Для юныхъ дней она кумиръ,
И я жалаемымъ свиданьемъ
Воздвину тронъ любви и миръ.
Тогда, глаза раскрывши смѣло
Я встрѣчу взоръ, какъ солнца лучь,
Достигнувъ должнаго предѣла,
Я стану силенъ и могучь.
Знакомый домъ сулитъ надежду,
Знакомый домъ въ моемъ умѣ;—
Онъ обѣщаетъ снять одежду—
Одежда траура вполнѣ.

Я жду, минута роковая
Ужасно медленно идетъ
Я жду, надежда дорогая
Мнѣ силу твердую даетъ,
Ударилъ часъ, я у порога
Кометы счастья моего....
Еще моментъ, еще немного.. ..
И я достигну своего....
Освободяся отъ шинели
Вошелъ въ гостинный я покой,
Она опять, она....ужели?
Да, вижу ясно образъ той....
Является который съ дѣтства
Во снѣ, въ мечтахъ и на яву;
Съ которымъ сблизиться нѣтъ средства
Ни даже скромнымъ rendez vous....
Я сдѣлалъ шагъ и поклонился
Бесѣдѣ всей и ей самой;
Къ ней приближаяся страшился,
Изчезнетъ, думалъ образъ мой.
Гляжу я въ профиль купидона,
Хочу я съ ней заговорить,
Она не видитъ силодона
Который жаждетъ объяснить

Все то, что грудь его скрываетъ,
Все то, что было съ нимъ всегда,
Она не видитъ, не внимаетъ,
Въ ней нѣтъ участія слѣда.
Гремитъ рояль, играетъ дѣва,
Поклонниковъ предъ нею рой,
Въ восторгѣ всѣ отъ ей напѣва.—
Она поетъ лишь гимнъ Святой.
Въ восторгѣ страстномъ упоенья
Облокотяся на рояль,
Я углубяся въ размышленье
Взглянулъ на ножку и пьедаль,
Пьедаль отъ ножки миньятюрной
Все опускалась, я стоялъ,
Какъ листъ осеннiй въ вѣтеръ бурный,
Я поневолѣ трепеталъ.
Умолкло все, встаетъ она....
Подходитъ М. и не шутя
За руку взявъ она меня
Знакомитъ съ нею. Какъ дитя
Смутилась дѣва молодая
Не смѣя на меня взглянуть,
И много, много обѣщая
Открыла мнѣ къ блаженству путь.

И говоря она съ подругой
Цвѣтокъ съ руки ея взяла,
И подержавъ его немного
Обратно ей-же отдала
Я выхватилъ цвѣточекъ милый
Съ руки и вмигъ поцѣловалъ,
Непостижимою мнѣ силой
Меня цвѣтокъ околдовалъ.
Кто ярче дня, весны свѣжѣе;
Натурой прелесть создана.—
Въ комъ нѣжность, нѣжности нѣжнѣе.
Въ комъ нѣтъ ни хитрости, ни зла
Та, предо мной вперяетъ очи,
Въ моихъ глазахъ читаетъ рокъ,
Отъ той звѣзды что видно въ ночи
—Я получилъ любви залогъ.....

«Васъ vis–avis могу просить я»?
Спросилъ Штабротмистръ молодой.
И я, внезапно стоялъ въ парѣ
Съ моей безцѣнной красотой.

Не помню нашихъ разговоровъ,
Не помню въ домѣ я гостей;
Гусары, дамы, сабли, шпоры.....
Я преисполненъ былъ страстей....
Мѣшалъ, сбивался, ошибался,
Фигуръ я вовсе несчиталъ,
Лишь электрическую ручку
Въ своей рукѣ я крѣпко жалъ.....
Не помню я конца кадриля,
Я ей открылъ, я все сказалъ
И взявъ съ согласія я ручку
Съ большимъ восторгомъ цѣловалъ.

Недолго съ нею я резвился,
Я вновь далеко отъ нея,
Опять мой глазъ слезой залился,
Опять намъ Богъ одинъ судья.
Петрополь, дивную столицу
Я навестилъ мой край родной,
Простившись съ милою женой
Ищу въ тебѣ тоски границу

Безъ ней мнѣ жить и здѣсь мученье
Среди забавъ и развлеченья;
Безъ ней мнѣ скука о, Творецъ!
Я думалъ будетъ ли конецъ?
Вдругъ, телеграмма въ часъ небрежной
Влетѣла быстро мнѣ въ покой,
Я сталъ въ отрадѣ безмятежной
Хвалить желанный жребій свой.
Дома, проспекты стали чудомъ,
Нева плескала изумрудомъ,
Настало время, я забылъ
Свой грустный бытъ, я счастливъ былъ.
Забавы новые всечасно
Явились съ новою порой,
И я въ отрадѣ сладострастной
Питаюсь кроткою мечтой,
Я искупилъ цѣной высокой
И ждалъ ее въ расперту дверь;
Пока съ страны ея далекой
Примчалъ паръ-машины карьеръ.
Дверь отворилась, затворилась,
Она въ объятіяхъ моихъ.....
Подруга нѣжная явилась
Уже на вѣкъ, но не на мигъ.

И такъ, я сталъ счастливъ и воленъ,
Припомнивъ городъ, модный свѣтъ,
Фасонъ, журналы, этикетъ,—
Я сталъ вполнѣ судьбой доволенъ.
Теперь тяжелое мнговенье
Прошло разлуки роковой,
Я буду пить и безъ сомненье
Свой вѣчный счастія покой.—
Теперь-то миленькій мой геній
Волною шелковыхъ кудрей
Отъ мукъ минувшихъ и лишеній
Отретъ текущій слезъ ручей.
Лазурный глазъ лукаво взглянетъ,
Улыбкой нѣжной подаритъ,
Меня къ груди своей притянетъ,
«Люблю тебя» проговоритъ.
О, сколько нѣги, упоенья
И сколько грезъ и, сколько думъ,
Доставитъ ангелъ сновидѣнья,
И тѣмъ просвѣтитъ юный умъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

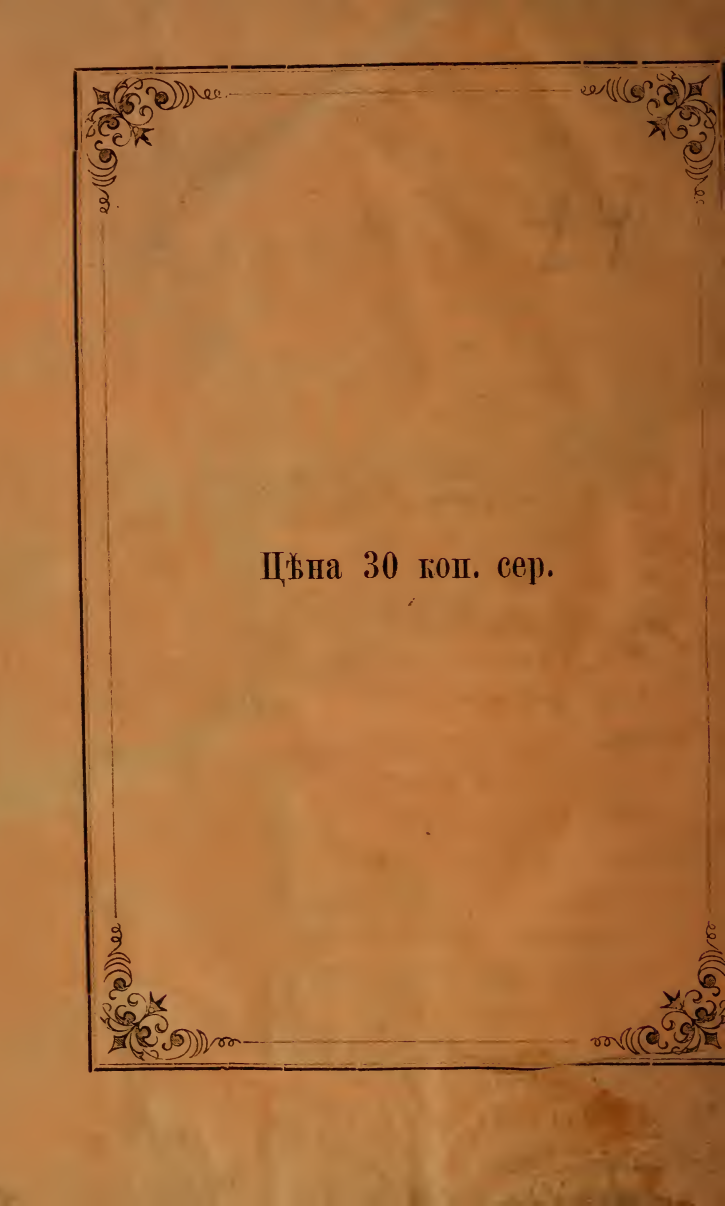
Богатый! Ты-ль меня счастливѣй?
Сокровищь полонъ твой ларецъ.
Бываешь грустенъ, молчаливый:
Не ты, счастливыхъ образецъ.
Твои друзья.—Небудь увѣренъ
Что они сущіе друзья,
Изъ нихъ первѣйшій другъ намѣренъ
Продать, ужаливъ какъ змѣя.
Комфортъ вездѣ тебя встрѣчаетъ,
Превкусно ѣшь, пресладко пьешь;
Тебя лишь праздность утомляетъ,
И то; подъ-часъ ты слезы льешь.

Отъ пресыщенья-ль праздной жизни?
Чего бѣднякъ не испыталъ.
Подвергнутъ ты такой-же тризны,
Какую бѣдный испивалъ.
Вопросъ теперь: Гдѣ счастье міра?
И въ чемъ искать его должно,
Гдѣ намъ отраднаго кумира
И въ чемъ найти присуждено?
Лишь вѣрный другъ составитъ счастье,
Намъ вѣрный другъ покой души...
Но гдѣ онъ есть?—Одно несчастье,
Друзья наружно хороши.
Друзья въ несчастьи,—гдѣ-жъ такіе?
Увы, ихъ нѣтъ.—Но суть тогда,
Когда счастливы.—И родные
Друзьями въ горѣ не всегда.
Пишу для женщинъ потому я,
Что я чрезъ женщину счастливъ;
«Сюрпризъ для женщинъ» назову я
Хотя и судъ вашъ щекотливъ.
Вы извините выраженью
Оно не кстати вамъ въ сюрпризъ.
Сказать я долженъ къ сожаленью
Что судитъ часто вашъ капризъ.

Однако, все-жъ я посвящаю
Весь талисманъ моей души
Для васъ, о женщины я знаю
Какъ вы страшны и хороши.

Продолженіе будетъ.

ЛИТЕЙНЫЙ ПР. № 55
И. КЛОЧКОВЪ.
ПОКУПКА

Цѣна 30 коп. сер.

LIBRARY OF CONGRESS
00025245362